

Дорогие читатели,

перед вами 67-й выпуск журнала «Теория моды: одежда, тело, культура», который посвящен моде как эмоциональной практике в самых разных аспектах и контекстах.

«Счастливым пиджак», который «принес» вам отличную оценку на экзамене или желанное повышение на работе, платье отщепления, которое вы как доспех надели на вечеринку после тяжелого расставания, любимый кашемировый свитер, нежно обволакивающий ваше тело, шопинг-терапия, поддерживающее рукоделие, к примеру медитативное вязание, штопка прохудившегося носка, связанного бабушкой, как акт любви, заботы и памяти, но и предательски разошедшийся перед важным собранием шов на блузке, оторвавшаяся в самый неподходящий момент пуговица, необъяснимое чувство беспокойства по поводу надетого платья, ощущение тревоги от мысли о полном несовпадении с дресс-кодом мероприятия и прочие «модные катастрофы», чувство вины в связи с обнаруженными залежами одежды в глубинах гардероба.

Все эти противоречивые ощущения и эмоции связаны с одним и тем же феноменом: одеждой, которая «касается нашей кожи и облегает ее, обволакивает тело, „запоминает“» жесты и другие формы взаимодействия с миром» (см. эссе Элен Сэмпсон «Осязаемое время: одежда как носитель памяти»).

Не меньший интерес для исследователя представляет восприятие феномена моды, которая нередко служит поводом для общественного беспокойства: от «здоровья нации, которому, предположительно, угрожает ношение недостаточно теплой или чересчур тесной модной одежды, до невыносимых условий труда работниц, выполняющих заказы модных мастерских, — поводы для негодования неисчерпаемо многообразны. Среди прочего мода регулярно оскорбляет хороший вкус и нравственность, а также подрывает традиции и размывает национальное своеобразие, давая повод видеть в ней агента иностранного влияния» (см. статью Ксении Гусаровой «Птицы на шляпах: рождение отвращения»).

Авторы некоторых материалов, вошедших в номер, обнаружили, что эмоциональная составляющая одежных и модных практик нередко сопротивляется формализации и не всегда укладывается в жесткие рамки академических жанров, тяготея к более свободному формату эссе, заметок на полях и прочих маргиналий, которые наилучшим образом фиксируют работу мысли, исследовательскую кухню и интеллектуальный бекстейдж (см. пример такого формата в материале Ольги Вайнштейн «Талисманы, фантазмы, потери: наброски о вещах и эмоциях»).

С самыми теплыми пожеланиями,
*Людмила Алябьева, шеф-редактор журнала
«Теория моды: одежда, тело, культура»*